

Джейсон Эгню

**В
столице
меланхолии**

18+

Джейсон Эгню

В столице меланхолии

«Автор»

2026

Эгню Д.

В столице меланхолии / Д. Эгню — «Автор», 2026

Всё началось в первые дни после новогодних праздников, через три дня после начала нового рабочего года, когда нас собрали промозглым и тёмным январским утром в главном конференц-зале...Когда Брайан Данхэм думал, что все неприятности позади, судьба преподнесла ему новое серьёзное испытание. Оно заставит нашего героя полностью изменить взгляды на мир. Справится ли Брайан с этим новым вызовом?

© Эгню Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. АМПЛИТУДА СУДЬБЫ	5
Глава 2. ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ	7
Глава 3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ДЕЛЛФОРТЕ	10
Глава 4. ТЕСНЫЙ ОФИСНЫЙ МИР	13
Глава 5. ОТПУСТИТЬ, НО НЕ ЗАБЫТЬ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джейсон Эгню

В столице меланхолии

Глава 1. АМПЛИТУДА СУДЬБЫ

До недавнего времени с городом Деллфорт меня связывало не очень много. В основном, это были не очень значительные, можно даже сказать поверхностные эпизоды, воспоминания о которых забывались очень быстро. И в то же время были очень важные, значимые моменты, отложившиеся в памяти на многие годы вперёд. Таких моментов, связанных с этим городом в моей жизни было всего два. Первый - когда я приехал сюда ненадолго во время летних каникул, тогда я ещё был подростком, и это было, пожалуй, самое безмятежное время в моей жизни. Второй - во время преддипломной практики, тогда я оставался здесь подольше, так или иначе лелея надежды на то, что когда-нибудь перееду сюда. Оба этих момента запомнились мне тем, что тогда у меня были мечты о карьере в этом городе, постепенно переходящие в амбиции. Пока я был ещё совсем юным, эти амбиции казались громадными, да что там, порой они были просто непомерными. По мере приобретения жизненного опыта - сначала в колледже, затем на своей первой работе - эти мечты о скором взлёте по карьерной лестнице стали казаться мне слишком наивными. Тогда я стал откладывать их всё дальше и дальше в сторону. Я поступал так, поскольку считал, что действуя по обстоятельствам, я веду себя как все разумные люди. В те годы я и подумать не мог, что однажды несбыточная с виду мечта всё же станет явью, пусть правда совсем в другом, более реалистичном и более жестоком виде. Но обо всём по порядку.

Шло время. Я жил, меняя привычки, взгляды и мнения, стараясь соотносить их с текущим моментом времени, а жизнь продолжала выдвигать всё новые и новые условия. Позади оставались безмятежные студенческие годы в колледже. Позади оставалась моя первая работа. Вместе с работой сменился круг общения, он становился то шире, то уже. С годами я стал всё чаще замечать, что многих из моих друзей и подруг, с кем я раньше часто общался, я больше не видел. Если быть более точным, то получалось так: из десяти человек, которые раньше составляли мой дружеский круг, семь человек прервали общение со мной по независимым ни от кого причинам, двое умерли и ещё один человек просто перестал со мной разговаривать. В сухом остатке получается ноль.

Можно было сколько угодно говорить о том, что друзья приходят и уходят, нужно только найти в себе силы, чтобы находить новые знакомства, чтобы постепенно расширять этот круг. Для этого нужно было иногда менять обстановку, при этом стараясь не замыкаться в себе. Но вот тут наступал главный вопрос: а как это сделать, когда я по своей природе стремлюсь окружить себя узким кругом близких друзей, готовых поддержать в трудную минуту?

Если бы можно было начать составлять мою, Брайана Данхэма, биографию нескольких последних лет, то там вполне может образоваться достойный сюжет героя какого-нибудь телевизионного фильма, проходящего через взлёты и падения. Такой, местный вариант "Хороших времён, плохих времён" или ещё чего-то в подобном духе. Как-то однажды, находясь в отпуске, я попробовал представить на бумаге как выглядели пять моих последних лет. Я отобразил их в виде графика, каким отображают рост или падение котировок на бирже, на нём положительные и счастливые моменты показывались ростом, плохие и тяжёлые моменты, напротив отмечались падением. Я попробовал вспомнить все более или менее значимые события последних пяти лет, стараясь быть как можно более объективным: чем большее влияние на меня оказывало случившееся, тем выше или ниже было значение. Потом, глядя на то, что получилось, я заметил, что получившийся график похож на амплитуду, сравнимой разве что с американ-

скими горками, в которой ты несёшься с головокружительной скоростью то вверх, то вниз. Это очень сильно привлекло моё внимание, потому что переход от очень низких до очень высоких значений был довольно скорым. Даже больше, это был не переход, а самый настоящий перепад. Например, когда меня выгнали из Тинсли, я находился на грани отчаяния и это показывалось отметкой сильно ниже нуля. Потом, когда стараниями Шона, мужа моей сестры я получил место в "Престон социал компани", то я был буквально на седьмом небе от счастья. Тогда отметка, разумеется, была сильно выше нуля. Воспользовался ли я полученными возможностями в полном объёме или нет - другой вопрос, но было невозможно не заметить, что тогда, после перехода из Тинсли в Престон, я стал чувствовать себя намного лучше.

К тому времени, когда я вернулся из своего последнего отпуска в Колтер-Бэйт, за моими плечами была многолетняя личная драма, которая изрядно подточила моё здоровье, как эмоциональное, так и физическое. За неполные пять лет я пережил целый букет различных неприятностей: тут и расставание с любимой девушкой, тут и гибель моего близкого друга. Прибавьте сюда увольнение с работы и ещё с полдюжины всяких мелких неприятностей в качестве бонуса - вот вам готовый рецепт для персональной трагедии. Не скрою, что в те дни я думал, будто уже нахожусь на грани, что ещё немного и меня просто сломает пополам. Но именно тогда я нашёл своё место силы, которое стало для меня настоящим спасением. Пусть оно было не самым обычным местом, где только можно было найти себе приют от давящей на него реальности, но тем не менее, именно там я смог найти в себе силы, позволившие мне встать на ноги всем невзгодам вопреки. Именно там я сумел посмотреть на жизнь другими глазами, увидеть в себе настоящего Брайана Данхэма, у которого ещё есть силы идти дальше.

Я был счастлив находиться здесь, и поверьте я был готов к тому, чтобы переехать поближе к Ньюфаундленд-роуд, поближе к той старой парковке, что стала нечто большим, чем просто убежищем от окружающего мира. Она стала для меня самым настоящим спасением.

Мог ли я тогда поверить, что очень скоро Её Величество Судьба подготовит для меня новый жизненный сценарий с новым набором испытаний, избрав при этом место действия город, где я когда-то был гостем.

Глава 2. ДОБРОВОЛЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Всё началось в первые дни после новогодних праздников. Прошло всего три дня после начала нового рабочего года, когда промозглым и тёмным январским утром нас собрали в главном конференц-зале. Обычно этот зал не использовался для планёрок по обсуждению текущих вопросов, и большую часть времени он оставался закрытым на ключ, но если предстояло какое важное мероприятие, требующее присутствия всего штата (а он в Престоне довольно большой), то тогда собрание проводилось именно там. Сегодняшнее собрание было именно таким.

Миссис Тейлор, наш руководитель, которая обычно выглядела сдержанной и собранной, в этот день казалась немного сбитой с толку, как если бы ей сообщили не очень приятные новости, касающиеся её бизнеса. Но миссис Тейлор достаточно уверенная в себе и в своих делах женщина. В силу своего опыта ей не составило бы большого труда проверить достоверность сведений и составить план действий даже в самой сложной ситуации.

Глядя мельком на неё со стороны, я думал, что, судя по всему, информация, полученная ей накануне, потребует принятия очень сложного решения, и оно неминуемо затронет каждого из нас. Если это так, то это значит, что тема для собрания более чем серьёзная. Это значит, что одним разбором полётов, как на обычной лётчке дело сегодня не ограничится. Не было секретом, что все более или менее значимые корпоративные сообщения поступают не раньше, чем через неделю после окончания новогодних праздников, если только не было срочных новостей, поступивших непосредственно перед Рождеством. Я постарался вспомнить, не было ли релизов в предпраздничную неделю. Таковых не было, значит, новость поступила самое позднее несколько часов назад и, скорее всего, она как-то связана с изменениями, несущими самый радикальный характер. Уже от одной этой мысли где-то в глубине моего сознания красным огнём вспыхнул сигнал предупреждения. Впервые за долгие недели и месяцы относительного молчания внутри меня стала проявляться тревога. Я был так напряжён, что мои пальцы свело судорогой.

- Дамы и господа, - начала миссис Тейлор, доставая из кейса какую-то бумагу, - у меня для вас очень важное сообщение, поэтому прошу вас выслушать меня очень внимательно.

По залу прошёл гул, который начальница довольно быстро оборвала, призывая находящихся к порядку.

- Вчера вечером пришло срочное сообщение из Деллфорта, - сказала она, - местный филиал нашей компании запрашивает несколько дополнительных рабочих мест для временного контракта на один год. Поэтому в ближайшее время несколько человек из штата будут перенаправлены туда.

Снова шум в зале. Снова просьба соблюдать порядок.

- Я понимаю, что ни у кого сейчас нет возможности бросить всё и переезжать в Деллфорт. Но тем не менее, хотя бы одного человека нужно перевести уже сейчас. Поэтому мне нужно имя одного добровольца к вечеру четверга.

Теперь в зале повисла гробовая тишина. Я даже не прилагая усилий понимал, к чему клонит миссис Тейлор. На моих глазах повторялась та же самая история, что уже случалась со мной в прошлом, пусть даже и выглядящая немного иначе, чем прежде. Тогда в той, далёкой жизни я отдавал лучшие годы своей юности одной компании, с которой мне пришлось попрощаться при не самых благоприятных обстоятельствах. Слушая начальника, я ощущал как чувство тревоги нарастает, крича всё громче и громче, а предупреждающий красный сигнал внутри горит ярче, чем солнце в июльский полдень.

- Итак, срок до четверга, - сообщила миссис Тейлор, подводя черту, - утром в обозначенный день жду добровольца в своём кабинете.

Собрание закончилось, но работа в тот день, как вы можете догадаться, практически была парализована. Весь день только и было разговоров о том, кого же в конце концов назначат "стрелочником" - уезжать в другой город, пусть даже и находящийся всего в сорока пяти милях¹ отсюда, не желал никто. У большинства, если у не всех здесь были семьи, дети, школы, друзья - одним словом, вся жизнь была сосредоточена здесь, резко менять её, резать по живому все социальные связи, многие из которых создавались годами было сродни самоубийству. И хотя никто не высказывал никаких предположений и никаких имён, к вечеру среды в команде уже существовал негласный список тех, кто потенциально мог на следующий день предстать перед начальником в качестве потенциального кандидата для отправки на новое место за семь морей. Я был по-прежнему холост и бездетен, поэтому неудивительно, что моё имя в этом списке стояло первым. Я отчётливо помню момент, когда вечером я узнал про этот список от Марка и Гарри, стоя около курилки. Гарри, держа недокурную сигарету между пальцев, достаточно долго чертыхался, говоря, что с таким же успехом миссис Тейлор могла не глядя подписать смертный приговор любому из нас. Марк и я, слушая его гневную тираду про бессердечное руководство, лишь молча кивали головами. Комментировать всё это у Марка не было никакого желания, а у меня и подавно.

Наступил четверг. Поскольку никто из нас так и не высказал желания переезжать из Солтенхайма в Деллфорт, то руководство решило выбрать кандидата для ссылки - именно так это и называлось в команде - по своему личному усмотрению. Как и следовало ожидать, никакой интриги никакой не случилось, этим кандидатом оказался я. Хотя мне до конца не верилось, что такое может со мной произойти, какая-то часть меня всё же принимала случившееся как само собой разумеющееся, как неизбежное. Говоря по правде, к тому времени от моего прежнего очарования от работы в Престоне уже мало что оставалось, а отношения с коллегами, в которых раньше был некий элемент дружбы, со временем становились всё более и более формальными. Не забывайте ещё и о том, что я достаточно долго держался в стороне, предпочитая сконцентрироваться на собственных задачах, поэтому выглядел слишком погружённым в себя. Естественно, что при этом я выглядел оторванным от остальной части коллектива, пусть даже и сохранял с ней связь, ведь коммуникация всё равно является неотъемлемой частью в нашей работе, неважно экстраверт ты или интроверт. И всё же где-то в глубине души я всё ещё верил в то, что работа может хоть немного заменить мне дружбу, которой мне столь недоставало. Я считал, что деловая среда может хотя бы наполовину, но заполнить ту пустоту, с которой я жил достаточно долгое время. Моя работа в этом офисе была источником того небольшого общения, которое не позволяло мне окончательно уйти в себя и помогало оставаться собой. А теперь, похоже, этот источник оказался перекрыт.

Меня вызвали в кабинет к миссис Тейлор, чтобы сообщить мне эту неприятную новость и узнать моё решение. Я не стал откладывать неизбежное и не просить время на отсрочку, на которое я имел вполне законное право. Собрав всю волю в кулак и стараясь отбросить в сторону страх и гнев, я приготовился к ответу на единственный вопрос о переводе своего рабочего места из Солтенхайма в Деллфорт на этот год. Несмотря на напряжённую обстановку, я дал короткий, но однозначный ответ: да, согласен. И знаете, тот момент мне запомнился особенно отчётливо, поскольку я отвечал, глядя своему руководителю прямо в глаза, на что в других случаях я бы не отважился. Этот момент был важен для меня ещё и потому, что в те две секунды, что я отвечал на вопрос (который в корне менял всю мою дальнейшую судьбу) я успел поймать ответный взгляд своего шефа. В нём ясно читались уважение и благодарность.

Значительную часть времени этого и следующего дня я провёл в кабинете у руководителя, читая и подписывая документы на грядущий перевод своего рабочего места, а также

---

¹ 45 миль = примерно 72,4 километра

дополнительное соглашение к трудовому договору. От этого гигантского вороха бумаг у меня болела голова, а мозг словно наотрез отказывался воспринимать происходящее со мной, отчего выглядел я неважно. Миссис Тейлор и её заместитель, видя моё удручённое состояние, старались подбодрить меня настолько, насколько это было возможно. Она говорила мне, что на новом месте я смогу вырасти ещё больше, чем здесь в Престоне, и когда я вернусь обратно, то сам себя не узнаю. В её глазах я выглядел неким своеобразным героем, который пожертвовал собой ради общего дела, и пусть у меня таких ощущений не наблюдалось, я всё же старался принимать то, что происходило со мной, как простую данность. Следующие несколько дней в Престоне, включая последний, прошли достаточно напряжённо, поскольку от обычных рабочих обязанностей меня освобождать никто не собирался, а помимо прочего, нужно было согласовывать массу вопросов, связанных с предстоящим переездом. Ситуацию спасало лишь то, что, когда пришла пора собирать вещи, филиал в Деллфорте уже был готов принять меня в свои ряды и оказать всю посильную помощь в обустройстве. Я же в этот момент, обессиленный от всего происходящего, складывал в коробку свои вещи, с которыми когда-то пришёл в этот офис на восьмом этаже. Горькая ирония заключалась в том, что это была та же самая коробка с которой я уходил из Тинсли декабрьским вечером несколько лет назад. Даже моё имя, написанное маркером не стёрлось.

Вечером в пятницу, прощаясь с коллегами, я еле сдерживал слёзы. Во второй раз за неполных пять лет мне приходилось расставаться с людьми, которые стали мне родными, пускай даже я покидал их временно. Тяжелее всего мне было расставаться с Бонни, поскольку она была моим первым и самым близким другом, и мне было невыносимо больно от той мысли, что теперь между нами снова была пропасть, только теперь в несколько десятков миль длиной. Она несколько раз повторила мне, что будет писать мне по электронной почте или в мессенджере как можно чаще, а я кивал головой и повторял: "Спасибо, я буду ждать". Фэйт, Марк и Гарри тоже поддерживали меня как могли. Так же, как и Бонни, Фэйт обещала, что будет писать мне или звонить в свободное время. Гарри желал мне держаться до последнего и не позволять никому сломать меня. Марк, явно стараясь разрядить обстановку, отпустил пару своих фирменных шуток - и должен признать это ему удалось. По крайней мере, на мгновение я даже улыбнулся, пускай даже в глубине души мне хотелось рыдать навзрыд.

- Я постараюсь приехать в гости, как только устроюсь на месте, - сказал я, забирая коробку.

- Не торопись. Мы будем ждать, - ответила Бонни.

- Да, и покажи им там всем, - добавил Гарри, - пусть знают, что в Солтенхайме не простаки работают.

Его слова словно добавили мне сил. Я обнял Бонни и Фэйт, пожал руки Марку и Гарри, и ещё раз пожелав им всем удачи, направился домой собирать вещи. Билеты были куплены заранее, и вот, наконец, утром в воскресенье, 18 января с посадкой в автобус, следующий в Деллфорт, начался новый этап в моей жизни.

Глава 3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ДЕЛЛФОРТЕ

Теперь немного о самом Деллфорте - городе, где мне предстояло обустраивать свою новую жизнь.

На первый взгляд он ничем не отличается от других городов области Новомерсийского залива, таких здесь около двух десятков. Единственное различие лишь в том, что в Деллфорте немногим больше жителей, чем в Солтенхайме. По первым впечатлениям кажется, что два города похожи как две капли воды. Та же широкая река Хизер, несущая свои воды мимо городских кварталов, разве что только мой родной город находится чуть выше по течению. Тот же умеренный морской климат, который моя сестрёнка Хейли в шутку называет "умеренно мокрым" из-за частых дождей и туманов. Та же сетка предместий и пригородов, сгрудившихся вокруг небольшого квадрата деловых кварталов, где белые воротнички зарабатывают себе на жизнь, сидя в бесчисленных офисах по сорок часов в неделю. Рядом пара-тройка промышленных кварталов, где сконцентрировано местное производство. По сути, если сравнивать два города, то можно подумать, что Деллфорт и Солтенхайм - это два брата-близнеца. Порой кажется, что отличия между ними настолько незаметны, что можно подумать, будто их вовсе нет. Но всё же отличия есть. В каждом из городов так или иначе есть свои особенности жизни, которые замечаешь только тогда, когда остаёшься в таком городе дольше, чем на пару недель. Уже живя в этом городе, я заметил две важные на мой взгляд детали, о которых следует упомянуть.

Во-первых, несмотря на то, что в Деллфорте живёт довольно много людей, здесь более просторно, чем в Солтенхайме. Редко на улице можно встретить большую толпу. Одни объясняют это особенностями городской планировки, в частности, более широкими дорогами: люди передвигаются по тротуару, не сталкиваясь и не задевая друг друга плечами. Другие склонны думать, что дело в особенностях местного менталитета: считается, что личная дистанция - это больше, чем просто элемент этикета, это священная граница. Она придаёт то чувство приватности, благодаря которому в самое ближнее пространство можно пускать самых близких людей. Только тех, кому можно доверять самое сокровенное или с кем можно быть наедине в интимной обстановке. Всем остальным должно держаться на расстоянии не ближе десяти футов², если не хочешь нарваться на скандал. Насколько это правда - судить сложно, ведь правила приличия везде одинаковы, но похоже, что в Деллфорте этому придаётся большее значение.

Во-вторых, Деллфорт неформально называют "Столицей меланхолии". Это название появилось благодаря статье одного столичного журналиста, посчитавшего местных жителей закрытыми и в некоторой степени угрюмыми людьми. Своё мнение он объяснил тем, что у местных жителей очень распространено проявление чувства холодности, замкнутости, что бывает у людей, с меланхолическим темпераментом. Так и появилось это определение. Наверное, городские власти, прочитав ту статью, увидели в этом некую изюминку, и в итоге печатное слово стало негласным девизом города. Но, как по мне, это вовсе не означает, что в Деллфорте живёт больше людей, страдающих депрессией.

Я по собственному опыту могу сказать, что меланхолики - это не всегда мрачные и грустные люди, какими их представляют себе экстраверты. Да, они не улыбаются по каждому малейшему поводу. Да, им нелегко разговаривать на некоторые темы. Да, они устают от постоянной болтовни, которую в нашем мире почему-то считают социальной активностью. Меланхолики такие же люди, но только у них другой взгляд на жизнь - более спокойный, более рассудительный. Они тоже ведут социальную жизнь, но представляют её себе несколько иначе, чем те, кто

---

² 10 футов = примерно 3,05 метра

находится по другую сторону шкалы темперамента. Именно такими я и увидел жителей Деллфорта, и со временем я смог почувствовать себя одним из них.

Но вернёмся в тот холодный, ветреный январский день, когда я приехал в Деллфорт на своё новое место жительства. Автобус, на котором я добирался до своего будущего дома, въезжал в город с юга по Сент-Джеймскому шоссе, которое прямой линией словно стрела проходит через всю центральную часть города. Я сидел у окна в задней части автобуса, смотря на проходящие мимо улицы. День выдался довольно пасмурным, а за окном меня встречал почти такой же пасмурный пейзаж из многоэтажных зданий. Среди многочисленных браунстоунов³ и офисных зданий попадалось немало домов, выкрашенных в различные оттенки жёлтого и зелёного цветов, чтобы хоть немного скрасить окружающую серость на фоне деревьев, лишённых листьев, и лужаек, едва прикрытых тонким слоем снега. Городские кварталы, закованные в бетон, камень и кирпич, сменялись скверами и палисадниками, в которых то тут, то там сквозь слегка подтаявшее снежное покрывало проступали бледные пятна газона. Затем путь проходил мимо старого, но очень большого парка, который казался похожим на лес, неведь каким образом оказавшимся среди городских улиц. Деревья в нём выглядели невероятно древними, и когда их голые ветки качались на сыром январском ветру, казалось, будто сквозь стекло автобусного окна можно услышать их тихий скрип.

В этот момент я пытался вспомнить примерную карту Деллфорта. Насколько я знал, раз Сент-Джеймское шоссе идёт прямо посередине города, значит я ехал прямо в самый центр. Город Деллфорт делится всего на четыре округа: Сент-Джеймс, Стэнли, Трент и Хизербэнк. Первые три округа - это районы, где в той или иной мере сосредоточена промышленная и деловая жизнь города. Они расположены по обе стороны от шоссе: Трент на севере, Сент-Джеймс в центре, Стэнли, соответственно, на юге.

Четвёртый округ, Хизербэнк, получивший название от одноимённой реки, находится на её правом берегу. Он занимает всю западную часть города: его южная граница проходит на пересечении Саутсайд-авеню с автострадой 182, а северная на Карлайл-авеню, откуда местные дороги ведут в пригороды Карлайл и Карпентария. Именно здесь, в Хизербэнке, на улице Амхерст-стрит теперь находился адрес моего нового дома, который отныне становился моим пристанищем.

С этой мыслью я ненадолго заснул, а когда проснулся, то заметил, что автобус уже заворачивает на остановку автовокзала. Вдали высился ещё один местный небоскрёб до боли похожий на Престон-Тауэр. Глядя на него, я лишь тяжело вздохнул. Чувства, переполнявшие меня с того дня, когда я покинул свой солтенхаймский офис, были по-прежнему свежи, и одно только воспоминание о моём прощании с коллегами казалось ещё одной раной на моей душе. Собравшись с мыслями, я достал сумку из багажного отделения и направился к зданию вокзала.

Привокзальная площадь Деллфорта была огромным асфальтовым полем, похожим на общественный гараж под открытым небом. По сравнению с ней моя старая парковка под Мидлендским мостом, где я прежде искал уединения от этого мира, выглядела невероятно крошечной. Здесь же буквально яблоку было негде упасть среди этой многочисленной армады "фордов", "фольксвагенов", "тойот" и "хонд". Петляя между автомобилями, словно в лабиринте, я искал стоянку такси и всё никак не мог её найти. Было холодно, и у меня заоченели руки, не говоря уже о том, что мне нужно было тащить с собой сумку, стараясь при этом не задеть чью-нибудь машину.

- Потерялся, парень? - спросил меня кто-то сзади.

---

³ Браунстоун - тип особняков, построенных из тёмно-коричневого песчаника, также название типов доходных домов в крупных городах в Северной Америке

Я обернулся. Неподалёку от меня стоял лысеющий мужчина, которому на вид было немногим больше сорока пяти.

- Нет, сэр, я просто искал остановку.

- Так тебе в другую сторону. Её ведь перенесли к Ричардсон-сквер.

- Правда? Я не знал.

- Первый раз в Деллфорте, не так ли? - спросил он, подойдя ближе.

- Нет, просто я давно не был здесь. Примерно так со времён окончания колледжа, - ответил я, перехватывая сумку.

- Слушай, я тут ищу как раз одного человека похожего на тебя. Тебя случайно не Брайаном зовут.

- Да, я Брайан. Брайан Данхэм.

- О, вот и славно. Я Эдвард Стэнтон, из деллфортского отделения "Престон социал", - он протянул мне руку для приветствия, - мне сказали встретить нового сотрудника. Думал, что он где-то заблудился.

- Очень приятно, мистер Стэнтон, - я протянул свою руку для ответного приветствия.

- Можно просто Эд, - сказал мой собеседник, - ладно, поехали. Провожу тебя до места, а завтра приедешь на работу, и там тебе всё расскажут.

Мы прошли до стоянки такси, где мой новый коллега тут же остановил "шевроле" канареечно-жёлтого цвета. На этом такси мы и направились в сторону Карлайл-авеню.

- Значит, ты уже бывал в нашем городе? - спросил Эд по дороге.

- Да, пару раз, но очень давно, - ответил я, стараясь подавить стеснение.

- Ничего, скоро привыкнешь. Главное, ничего не бойся и не стесняйся. У нас народ тихий, спокойный, если никого лишний раз пальцем не тронешь, то и тебя никто трогать не будут.

Я в согласии кивнул головой, и снова уставился в окно. Пейзаж за окном оставался всё таким же сероватым, с приглушёнными красками, да и я несмотря на доброжелательность своего напарника тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Оно и неудивительно, всё-таки первый день на новом месте.

Глава 4. ТЕСНЫЙ ОФИСНЫЙ МИР

Эд достаточно быстро ввёл меня в курс дела, так что вскоре дела на новом рабочем месте пошли на лад. По сути, в моей работе ничего не менялось, я выполнял те же функции, работал с теми же бумагами, каких в Престоне через мои руки проходило по десятку раз за день. Единственной разницей было лишь то, что деллфортский филиал "Престон сошиал компани" был довольно маленьким и занимал не этаж в небоскрёбе, а скромный угол в четырёхэтажном здании местного транспортного агентства, похожего со стороны на торговый центр.

Таким же небольшим был и коллектив. В первые дни работы на новом месте меня не покидало ощущение того, что я снова вернулся ко временам работы в Тинсли. Там моим рабочим местом была крохотная кабина в самом дальнем углу помещения. Однако команда, которой меня представил Эд, состояла из вполне достойных и добросердечных людей, и стоит отдать им должное, сказав, что они приняли меня хорошо. Я же в свою очередь произвёл хорошее первое впечатление, освоившись на новом месте в считанные дни.

На память о тех днях в моём телефоне осталась фотография, сделанная в офисе накануне одного из праздничных дней. Некоторых коллег на этом снимке нет, но всё же основные действующие лица, с которыми я чаще всего общался по работе, там присутствовали. Глядя на эти лица, я вспоминаю каждого из них. Шесть человек. Прямо по центру уже знакомый вам Эд Стэнтон, который был моим "куратором" на этой работе. Слева от него две симпатичных женщины: Гэбриел Росс, помощница Эда, и Мелинда Нэш, моя соседка по работе, также занимающая должность консультирующего специалиста как и я. По правую руку от Эда ещё один мой коллега, тоже специалист, Генри Хастон. Рядом с ним Лори Дуглас, отвечающая за документооборот. И наконец, с правого края, стою я. Седьмым человеком в штате является наш руководитель, миссис Редгроув, она же и сделала эту фотографию, отчего её здесь не видно. Конечно, где-то есть такое же фото, где она тоже присутствует, но у меня по неизвестной мне причине этого снимка не оказалось.

Я достаточно хорошо справлялся со своей работой, и надо сказать, это принесло свои плоды. Моей первой зарплаты вполне хватило, чтобы оплатить аренду квартиры на три месяца вперёд, и я был этому рад, даже несмотря на то, что домом моё место жительства назвать можно было с большой натяжкой.

Здесь стоит сказать, что с покупкой недвижимости в Деллфорте проблем нет, если у вас приличная кредитная история и если доходы позволяют. Однако когда вы оказываетесь на месте иногороднего рабочего или студента, приехавшего поступать в университет, то стеснённые условия вынуждают вас сразу направляться в предместье, где очень много арендного жилья. Таблички с надписью "Сдаётся помещение" здесь попадаются чаще, чем в газете бесплатных объявлений. Если ваше финансовое состояние поджимает, то вариантов в таком случае может быть только два: либо искать самую дешёвую квартиру, какую только способен предложить арендодатель, либо, скрепя сердце, согласиться с тем, что жить под открытым небом - не самый худший вариант.

Пока я перебирался на новое место, я старался найти себе жильё, которое было бы не слишком далеко от работы, и за которое бы не пришлось платить больше четырёхсот шиллингов в месяц. Такая сумма для меня была вполне приемлемой, потому что иначе на аренду уходило бы не меньше четверти моего дохода. Стоило мне потерять в заработке хотя бы пару процентов, и к концу месяца мне пришлось бы очень долго оправдываться перед домовладельцем, почему я не могу оплатить аренду в срок. Такого положения дел в силу своей склонности к переживаниям по любому значимому поводу я точно не желал. Поэтому искал такой вариант,

позволяющий внести плату за несколько месяцев вперёд. Так мне можно было спокойно жить и не сталкиваться со всякими неприятными мелочами.

Наконец, мне удалось поселиться в небольшой квартирке недалеко от Карлайл-авеню, расположенной в восемнадцати кварталах от места моей работы. Несмотря на столь дальнейшее расстояние, этот путь я мог легко пройти на своих двоих: достаточно было пройти два квартала до Континентал-стрит, а дальше только прямо. Вполне удобно, даже на транспорте можно сэкономить, пройдясь пешком туда и обратно.

Жильё, где мне предстояло жить следующие несколько месяцев, было достаточно скромным, если не сказать спартанским. Когда я вошёл туда в первый раз, мне показалось, что комнату в которой я находился, будто подняли из подвального уровня на четвёртый этаж: голые стены, окно с тонким слоем пыли на стёклах и пол, покрытый очень старым ковролином. Мой агент, Майкл Бридлав, говорил, что это самое доступное жильё во всём округе и что другого такого предложения я и за сто лет не найду даже при всём своём большом желании. Здесь, пожалуй, будет уместным сказать, что мистер Бридлав - не просто риелтор, а самый настоящий профессиональный продавец. Попросите его продать вам дешёвую ручку из магазина "Всё за девяносто девять центов" за тройную цену - и он, не колеблясь ни минуты, сделает это. Так что признаюсь, поддавшись его уговорам, я почти сразу согласился на подписание договора аренды этой небольшой квартиры за символические сто восемьдесят девять шиллингов в месяц. Единственное условие, которое мной было добавлено перед подписанием договора - я сразу вношу залог за первые три месяца. Взамен владелец дома обязуется не повышать арендную плату до следующего срока. Сказано - сделано.

Мы подписали документы, и когда домовладелец Герберт Маккой, этот строгий, но в то же время весьма добродушный джентльмен, передавал мне ключи, он с некоей заговорщицкой улыбкой сказал мне:

- Надеюсь, мистер Данхэм, у нас вам скучно не будет.

Сначала я не понимал, что он под этим подразумевает, но скорее всего, он хотел просто по-человечески, подбодрить меня, зная, что в Деллфорте, в Столице меланхолии, моя жизнь очень скоро может окраситься в серый цвет. И должен признать, в этом он был прав.

Работа в деллфортском филиале "Престон социал компани" была не то чтобы напряжённой, но и идеальной её можно было назвать едва ли. Каждый день нам приходилось разбираться с целой горой всевозможных документов, входящих и исходящих. Из офиса в Солтенхайме тоже приходило немало почты, разбор которой часто проходил в авральном режиме в самом начале дня. Чаще всего это происходило за полчаса или час до начала работы за чашкой растворимого кофе, который готовился достаточно быстро. Если вы спросите меня, есть ли разница между "быстрым" напитком и тем кофе, что вы пьёте за завтраком, то я вам отвечу, что разница лишь в том, что у последнего вы ощущаете вкус и цвет, после которого вы открываетесь новому дню. Если же вы начинаете свой день с кружки "Максвелл хаус" или чего-то подобного, то не удивляйтесь, что к обеду вы будете ощущать себя машиной, в которую залили пять-шесть галлонов⁴ авиационного топлива вместо обычного бензина. Вы буквально летите на всех парах, но очень скоро ловите себя на мысли, что это топливо расходуется очень быстро, и без дальнейшей подзарядки вы просто не дотянете до конца дня.

Одним словом, работа шла своим, довольно размеренным чередом, в котором спокойные дни порой сменялись довольно напряжёнными и наоборот. Именно в те дни, ближе к середине февраля, я всё чаще стал вспоминать слова своего арендодателя, мистера Маккоя, который надеялся, что мне не будет скучно в Деллфорте. Поскольку работа занимала большую часть времени, я не умирал со скуки, но по выходным я действительно чувствовал, что атмосфера

---

⁴ 5-6 галлонов = примерно 22,7-27,3 литра

вокруг становится если не бесцветной, то довольно тусклой. Я очень сильно скучал по своим коллегам, по тем, кто остался в Солтенхайме. Я очень сильно хотел вернуться к своему любимому месту под Мидлендским мостом - туда, где я мог почувствовать себя сильнее, свободнее, счастливее. Очень часто, возвращаясь домой с работы, я хотел только одного - заснуть крепким сном, чтобы хотя бы во сне вернуться ненадолго в те короткие времена, когда мне казалось, что я наконец стал самим собой. Лёжа без сна на старом, продавленном диване, с выключенным светом я подолгу вглядывался в окружающий меня сумрак, вновь и вновь вспоминая своих друзей. Бонни и Марк, Гарри и Фэйт, Джейми и Оливия. Их лица снова представляли передо мной, и мне казалось, что я могу с ними поговорить, открыть им свою душу, но их образ очень быстро исчезал, так что я даже не успевал сказать и двух слов. Потом я ненадолго проваливался в сон, в котором я видел ту старую парковку на углу Ньюфаундленд-роуд и Гилберт-лэйн, тот самый крошечный кусок земли, где я спасал себя от гнетущих тягот. Боже, как же мне не хватало всего этого! Я был готов сию же секунду сорваться с места и, бросив всё, немедленно вернуться обратно в Солтенхайм, чтобы хоть на мгновение снова попытаться обрести ту внутреннюю силу, которая держит меня на плаву. И наплевать, что ради этого придётся преодолеть сорок пять миль. Именно с этими мыслями я окончательно засыпал, перед этим заметив, что опять большую часть ночи я провёл не сомкнув глаз.

Но вот ночь проходит, наступает утро. Снова шесть часов. Звонок будильника на телефоне. Простой завтрак и две чашки кофе, чтобы не клевать носом на работе. Час на сборы, и вперёд - встречать новый день. Потом очередной рабочий день с очередным набором деловых задач с перерывом на обед. Затем вечер и возвращение домой, где всё повторяется сначала. И так день за днём, неделя за неделей. Классические будни, в которых серый кажется доминирует над всеми остальными цветами.

Так прошёл почти весь февраль, наступил март. Весна постепенно отвоёвывала у зимы окружающее пространство. Крохотные остатки последнего немногочисленного снега, выпавшего после Дня Святого Валентина, очень быстро исчезли, обнажив прошлогоднюю траву, которая от холода была больше похожа на слежавшуюся солому. Первое же потепление в начале месяца, закончилось первым весенним дождём: коротким, но бодрящим. Именно в этот день произошло событие, которое сильно взволновало меня, и после которого моё до того обыденное течение жизни в Столице меланхолии значительно изменилось.

Это произошло 3 марта. Мы с Эдом и его помощницей Гэбриел только что закончили разбирать очередной комплект документов для клиента, который хотел оформить социальные гарантии для безработных. В этот момент в офис вошла девушка. Глядя на неё, можно было перебрать в уме имена всех известных красавиц с обложек глянцевого журналов или из кадров вчерашнего фильма, но она, кажется, превосходила их всех. Мне почему-то сразу показалось знакомым её лицо, и по мере того, как она приближалась к нам, эти черты становились всё более узнаваемыми. Где-то я уже видел это лицо, довольно давно, но моя память подсказывала: я очень хорошо знаю этого человека. Я был уверен, что эта девушка - одна из моих знакомых. Я даже помнил, что раньше она была шатенкой, но теперь перекрасилась в блондинку. Наконец, она посмотрела на меня, и меня словно громом поразило. Боже милостивый! Передо мной Эмили Логан, собственной персоной! Моя бывшая и моя единственная настоящая любовь, с которой мы так скоропостижно расстались, и со дня расставания прошло, кажется, лет сто. Если не больше.

- Эмили? - только я и смог сказать в тот момент.

- Брайан? - она тоже была удивлена, увидев меня в столь неожиданном месте, - неужели это ты?

Прошла наверно целая вечность, прежде чем удивление прошло. Помню, как Эд сказал: "Вот уж действительно, насколько тесен мир" после того, как спросил, действительно ли мы

знакомы. Эмили согласно кивнула, я тоже. Как выяснилось, она приходила по одному довольно житейскому вопросу, в Деллфорт её, как и меня, привели срочные дела. Её жизнь в Эринсборо проходило вполне размеренно, но вот о личном она не обмолвилась ни словом; наша первая за долгие годы встреча проходила в заполненном людьми зале, где было слишком много посторонних лиц.

Когда она уходила, я всё никак не мог решиться спросить номер её телефона, чтобы поговорить с ней о том многом, что могло быть только между мной и ней. О том, что было между нами. О том, что нас связывало. Мне стоило больших усилий, чтобы попросить её написать заветный номер телефона, и когда она передавала мне записку с номером, слегка улыбнулась. Прощаясь, она сказала мне вполголоса: "Ты во многом изменился, Брайан, но внешне ты всё тот же, которого я знала". И сразу же добавила мне тихим голосом: "Созвонимся позже".

Глава 5. ОТПУСТИТЬ, НО НЕ ЗАБЫТЬ

То, что я встретил Эмили спустя столько времени и при совершенно случайном стечении обстоятельств, иначе как сюрпризом назвать было нельзя. Да, мы уже не были столь близки, как раньше, и бывшие чувства между нами постепенно сошли на нет, но всё же мы расстались друзьями - даже несмотря на то, что наше последнее свидание проходило в весьма напряжённой обстановке. Мы поддерживали связь, обменивались последними новостями, и, честно говоря, поначалу я ещё надеялся на то, что наши отношения возобновятся, но со временем стало ясно, что этому сбыться не суждено. "Скорее Земля станет вращаться в другую сторону", - думал я тогда, ещё не представляя, что впереди меня ждут непростые времена.

Пока я приходил в себя после болезни и увольнения из Тинсли, у меня практически не было никакой возможности написать ей или позвонить. Лишь раз или два я посылал ей письма по электронной почте, в которых спрашивал о том, как у неё идут дела. Она уже к тому времени окончательно освоилась в Эринсборо, куда она, как позже стало известно, переехала по работе. Потом там же она встретила своего нового избранника, ставшего впоследствии её женихом. Что касается меня, то я в это время оставался в Солтенхайме и пытался найти место, где можно отстраниться от всех неприятностей этого мира, которые как мне казались тогда, сыпались мне на голову словно из рога изобилия.

Я позвонил Эмили на следующий день, и мне пришлось собрать все силы, чтобы набрать заветный номер и услышать на том конце долгожданное: "Привет, как дела". Простое приветствие, но столь значимое для меня. Было непросто заставить себя не нервничать, и это получалось с трудом, ведь я разговаривал с девушкой, которая когда-то была частью моей жизни, а потом так быстро исчезла из неё.

- Брайан, это ты, - голос Эмили, столь знакомый до боли, будоражил моё сознание, и мне казалось, что я настолько сильно нервничал, что даже не мог сказать ни слова. И тем не менее, я всё же совладал с собой, чтобы ответить:

- Да, Эмили, это я.

- Как у тебя дела?

- Всё замечательно. Как ты могла заметить, работаю на "Престон".

- Да, ты выглядел очень солидно.

Мы говорили немногим больше пятнадцати минут, и за это время мне удалось выяснить немного, но всё же достаточно, чтобы узнать о том, как складывалась жизнь Эмили и что именно привело её в Деллфорт. Всё оказалось достаточно просто: ей нужно было оформить документы для продажи дома, доставшегося ей в наследство от родственника, но который ей совершенно не нравился. По её словам, он был похож скорее на склад, чем на комфортное жилище. Через несколько дней ей предстояло возвращаться в Эринсборо к своему жениху. Этот момент в нашем разговоре был очень болезненным для меня, потому что в глубине души я всё ещё пусть частично, но любил её. То, что я упустил свою любовь так скоропостижно и так безвременно по-прежнему бередило мне душу, пусть даже прошло целых пять лет. Я старался не подавать виду, чтобы не выдавать своих чувств, пытаюсь держать их под контролем.

Лишь когда Эмили с улыбкой в голосе попрощалась со мной и положила трубку, я дал эмоциям волю. На меня нахлынуло настоящее цунами из горечи и сожаления, смешиваясь с воспоминаниями о наших бывших встречах. Тяжело выдохнув, я сел на пол около столика, на котором стоял телефон. Понадобилась, казалось, целая вечность, прежде чем я смог прийти в себя и подняться на ноги, а довлевшее надо мной чувство покинутости отступило. В этот момент мне вспомнилась одна из наших первых встреч. Воспоминания о ней были такими же яркими и тёплыми, словно лучи солнца, пробивающиеся сквозь свинцовые тучи в серый мартовский вечер.

Мы с Эмили познакомились на вечеринке в студенческом литературном клубе. Это было одно из немногих мест в колледже, где я учился, чтобы люди с таким темпераментом, как у меня (а я уже тогда считался меланхоликом, как ни крути) могли тоже проявлять себя в этом мире, где преуспевающими считались люди, заточенные на постоянную круглосуточную коммуникацию. Одни участвовали в соревнованиях, другие организовывали бесчисленные семинары, которые могли тянуться часами. В те годы я считался не просто одним из лучших студентов на своём потоке, но и при этом был достаточно начитанным, что в своё время позволило мне даже сдать один из экзаменов без подготовки. Но я почти постоянно держался в стороне от остальных однокурсников. Мой ныне покойный друг Роберт Мэйвуд, который знал меня с детского сада, однажды сказал, что так дело не пойдёт, и мне нужно найти себе сверстников среди таких же, как я. На мой вопрос о том, как это сделать, Роберт предложил мне записаться в литературный клуб, который находился рядом с библиотекой.

- Там же по соседству и филологический факультет, - добавил он, - а там можно встретить спутницу на любой вкус и цвет. Понимаешь намёк?

- Понимаю, - ответил я, прекрасно зная, что он имеет в виду.

Одним солнечным майским днём я пришёл на очередное собрание клуба, которое как мне тогда казалось, грозило затянуться на весь вечер. И именно в этот день я и встретил Эмили. Тот день, когда я впервые увидел её прекрасные голубые глаза, я, наверное, буду помнить до гробовой доски, потому что это был именно тот самый момент, когда что-то в моей голове щёлкнуло и в следующую секунду внутренний голос произнёс: "Поздравляю тебя, Брайан Данхэм, ты влюбился в эту прекрасную леди!"

Как и сейчас, я сильно нервничал и довольно долго не решался заговорить с ней, но в конце концов, нам удалось найти общий язык. Помню, как во время той встречи каждого из нас попросили описать свои взгляды на английскую литературу первой половины двадцатого века, а именно наше мнение о любимых писателях того периода. Точно помню, как я говорил, что Сомерсет Моэм, на мой взгляд, слишком высокомерен, чего не скажешь о Редьярде Киплинге. Она, будучи большим почитателем Моэма в ответ парировала, что на её взгляд Киплинг хорош только для заядлых мечтателей, а стоило ей однажды прочесть один из романов Герберта Уэллса, так у неё возникло впечатление будто у того на описаниях технологий свет клином сошёлся. Я же в ответ заявил, что точно также можно сказать и про любого писателя, жившего на стыке викторианской и эдвардианской эпох⁵. Наш разговор закончился на том, что мы пришли к относительному согласию, заключавшемуся в том, что нам обоим нравился Артур Конан Дойль. В самом деле, уж лучше перечитать любой из его романов о Шерлоке Холмсе, чем ломать голову над философскими изречениями жителей метрополии, раскиданных по всему белому свету. Та встреча в литературном клубе и последовавшая за ней беседа под цветущими липами около колледжа значительно способствовала нашему сближению. Прошла ещё пара недель, мы встретились ещё пару раз, и вот - мы парень и девушка.

Наш роман продлился достаточно долго, и не сказать, чтобы он был идеальным, но поначалу мы редко ссорились и достаточно быстро находили компромисс. Лишь со временем, когда я уже работал в Тинсли, наши отношения стали портиться всерьёз. В глазах Эмили я тогда выглядел человеком, который застрял в собственном клубке противоречий и проблем, но при этом не прикладывал никаких усилий, чтобы оттуда выбраться. Её можно было понять, ведь любые здоровые отношения - это улица с двусторонним движением, в том смысле что для взаимности и гармонии требуются участие обоих участников. Чтобы отношения были счастли-

---

⁵ Викторианская эпоха - период правления королевы Виктории (1837-1901), эдвардианская эпоха - период правления короля Эдуарда VII (1901-1910)

выми и долгими нужно было, чтобы мы оба умели уступать друг другу, решая все проблемы вместе. Она это понимала, а я - нет. Результат, как вы можете понимать, очевиден.

В тот осенний день, когда я виделся с ней в последний раз, между нами состоялся достаточно долгий и серьёзный разговор, в котором Эмили решила: всё, хватит недосказанности, карты на стол. Она сказала, что ей надо некоторое время побыть наедине, поэтому она уезжает в Эринсборо. Я прекрасно понимал, что мои отношения с ней рушатся с моего же молчаливого согласия, и что у меня крайне мало времени, чтобы приложить хоть немного усилий для спасения ситуации. Я заказал нам по чашке кофе и предложил ей подумать о том, чтобы по возвращении в Солтенхайм начать всё заново. Эмили с грустью в глазах смотрела на меня, на то, как я клятвенно обещаю избавиться от всех этих забот, которые уже начинали тянуть меня на дно:

- Брайан, - сказала она, поставив чашку с недопитым кофе, - тебе нужно работать над собой. Очень много работать. Мне жаль, но пока ты этого не сделаешь, нам лучше повременить со следующей встречей.

- Я понимаю, Эмили, - отвечал я, тоже оставив свой напиток незаконченным, - тебе нужна пауза. Если тебе это поможет, то я готов пойти навстречу.

Тогда я думал, что в отношениях между Эмили Логан и Брайаном Данхэмом поставлена если не точка, то хотя бы многоточие. Но меньше, чем через две недели последовал тот самый прощальный звонок из Эринсборо, после которого наши отношения окончательно завершились. Когда она прощалась со мной, она сказала, что ей было нелегко принять это решение, но найти другого выхода ей не удалось. Я же в свою очередь сказал, что принимаю её выбор, каким бы тяжёлым он ни был, пусть в глубине души мне было невероятно больно. Для меня это было первым серьёзным поражением, и, как вскоре выяснилось, не последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.